

Во второй половине дня Чжуан Лин нанял дорогую карету — просторную, со столиком, где красовались чайник и свежие сладости. Покачивание экипажа убаюкало Хань Хэна. Он проспал почти всю дорогу, а когда открыл глаза, почувствовал, что слабость наконец отступила.

Отодвинув плотную занавеску, он выглянул наружу. Солнце уже клонилось к закату, и небосвод затопило пожаром — багровые и золотые тучи лениво перетекали друг в друга, словно живое пламя.

— Какая красота, — невольно вырвалось у Хань Хэна.

Он и забыл, когда в последний раз видел такое зрелище.

«Разве что на чужих фотографиях в соцсетях... Но сам я давно не поднимал головы к небу — вечно куда-то спешил, суетился, а ради чего — теперь уже и не вспомнить»

В открытое окно хлынул прохладный вечерний воздух. В ту же секунду со спины бесшумно скользнула рука и легла Хань Хэну на талию.

Сонный, чуть хриловатый голос Чжуан Линя раздался у самого его уха:

— Мы целую вечность не любовались с тобой закатным пожаром. Помнишь, как в детстве ты впервые увидел эти алые облака? Перепугался до смерти, кричал, что где-то поблизости полыхает огонь, и требовал, чтобы я немедленно созвал слуг тушить пожар.

— Неужели я был таким глупым?

— Ещё каким, — тихо рассмеялся Чжуан Лин.

Хань Хэн смущённо кашлянул. Стараясь не привлекать внимания, он задёрнул шторку, осторожно убрал со своей талии чужую ладонь и поспешно отодвинулся на другой край сиденья, желая сесть как можно прямее.

— Ты меня боишься? — В глазах Чжуан Линя промелькнула обида.

— Вовсе нет! — поспешил заверить его Хань Хэн и послушно придвинулся обратно.

Но Чжуан Лин всё ещё упрямо сжимал губы.

Желая доказать, что ни капли его не боится, Хань Хэн сам взял руку юноши и вернул её себе на пояс.

— Ну правда, чего мне тебя бояться? Ты же красавец. Встретись мы просто на улице, я бы шею свернул, провожая тебя взглядом, — Хань Хэн неловко хмыкнул. — Вот меня людям действительно стоит пугаться.

«Что же мне делать, если это лицо так и останется изуродованным на всю жизнь?»

Не будь на нём этих жутких шрамов, тот прохожий в таверне не стал бы кривиться от отвращения и сыпать оскорблениями. И Чжуан Линю не пришлось бы пускать в ход кулаки.

— Через пару дней мы приедем в столицу, — мягко прервал его мысли Чжуан Лин. — Я приготовлю для тебя подарок.

— Угу, — безучастно отозвался Хань Хэн.

В своей прошлой жизни Пэй Цзя никогда не слышал в свой адрес слова «урод». Он и представить не мог, как больно бьёт по самолюбию чужая брезгливость. Это было липкое, унижительное чувство, осевшее где-то глубоко в груди тяжёлым камнем, который никак не получалось сбросить.

«Уродство — это тоже своего рода преступление»

Для человека, который привык холить и лелеять свою внешность, этот удар оказался сокрушительным. Следующие несколько дней Хань Хэн ехал притихший и хмурый. Пейзажи за окном его больше не радовали. Поначалу они казались экзотическими, но вскоре примелькались, напоминая обычные туристические деревушки. Ну да, воздух чище, небо синее — и только-то. Зато от бесконечной тряски в карете уже затекло всё тело. Будь у них самолёт, они бы долетели за пару часов, даже не успев осознать, какое расстояние преодолели.

А здесь... Связь — через крик, перемещение — пешком. Верховая езда считалась пределом скорости, а карета — верхом роскоши и удобства.

Величественные стены и шумные улицы столицы показались на горизонте лишь на пятый день пути. Экипаж въехал в город в самый полдень и остановился у ворот старинной усадьбы с тремя последовательными дворами.

У дверей их уже ждали. Навстречу карете шагнула статная женщина, чьи иссиня-чёрные волосы были уложены в изящную, чуть клонящуюся набок причёску — в её прядях поблёскивала нефритовая подвеска в форме капли. На ней был короткий тёмно-синий жакет и пышная золотисто-зелёная юбка-мамань, расшитая узорами из кистей и драгоценных бус. Чуть позади неё, опустив глаза, замерли две молодые служанки.

— Сыночек мой... — Женщина изо всех сил пыталась сдержать чувства, но на её длинных ресницах уже закипели слёзы.

Она сделала шаг вперёд, но, заметив, как Хань Хэн испуганно попятился и попытался укрыться за широкой спиной Чжуан Линя, замерла. Прикусив губу, она низко поклонилась спутнику сына.

Хань Хэн услышал, как она назвала юношу «Маленьким принцем», а служанки послушно повторили приветствие вслед за хозяйкой.

— Тётушка Юнь, — мягко заговорил Чжуан Лин, — Хань Хэн сорвался с кручи и сильно ударился головой. Он почти ничего не помнит из своего прошлого.

Сюэ Юнь, не мигая, смотрела на сына покрасневшими от слёз глазами.

Хань Хэн исподтишка разглядывал её. На вид женщине нельзя было дать больше тридцати с небольшим: кожа гладкая, черты лица тонкие и благородные. По современным меркам она выглядела потрясающе — настоящая ухоженная красавица.

Хань Хэн приоткрыл было рот, собираясь что-то сказать, и тут же натолкнулся на её любящий, выжидающий взгляд. Так матери смотрят на младенцев, делающих свои первые шаги.

— Матушка... — с трудом выдавил он.

Это слово казалось ему невероятно чужим. В своей настоящей жизни, едва уехав на учёбу в другой город, он и простое «мама» произносил от силы пару раз в год.

Сюэ Юнь сделала ещё несколько шагов и остановилась вплотную к сыну. Лишь теперь, вблизи, Хань Хэн заметил тонкую сеточку морщинок, притаившуюся в уголках её глаз.

Она медленно подняла дрожащую руку и коснулась его изуродованной щеки.

Обычно люди смотрели на него со страхом или безразличием — даже служанки за спиной Сюэ Юнь сейчас испуганно отводили глаза. Но в ласке этой женщины не было ни капли отвращения. Крупные слёзы покатались по её щекам, она болезненно нахмурилась.

— Вернулся... Главное, что живой, — прошептала она, пытаясь улыбнуться сквозь рыдания. — Пойдём скорее в дом, там и поговорим.

Огромная усадьба насчитывала несколько десятков комнат, но, кроме самой Сюэ Юнь, здесь жили лишь полтора десятка слуг. Для вдовы этот дом явно был слишком велик и пуст.

После первой встречи Сюэ Юнь почти не разговаривала — лишь тихонько всхлипывала, пряча заплаканные глаза.

Хань Хэн пытался выдавить из себя хоть каплю сыновней нежности, но внутри всё сковывала неловкость. Эта женщина казалась ему слишком изящной и хрупкой для роли матери. Его собственная мама в прежнем мире, конечно, тоже умела наводить марафет, но он с детства привык видеть её домашней, растрёпанной, в простом халате и вечно хлопочущей по хозяйству. По сравнению с этой благообразной дамой, у которой каждый волосок лежал один к одному, а шаги были мелкими и размеренными, его настоящая мать казалась куда более родной и понятной.

К счастью, Чжуан Лин быстро сообразил, что Хань Хэну не по себе. Сославшись на то, что больному после дороги нужен покой, он увёл его в выделенные покои.

— Теперь это твоя комната, — Чжуан Лин обвёл взглядом просторную спальню. — Оглядишься. Если чего-то не будет хватать, сразу говори мне или матушке.

Комната и впрямь оказалась огромной. Обстановка была скромной, но изысканной: лаконичная деревянная мебель, пара старинных ваз на полках, а на круглом столе у окна исходил паром свежесваренный чай и лежало несколько спелых плодов, наполнявших воздух тонким сладковатым ароматом.

— Да вроде всё есть, — растерянно пробормотал Хань Хэн, присаживаясь на край кровати. — Раз уж мы добрались... тебе, наверное, пора возвращаться к себе?

— Так сильно хочешь от меня избавиться? — Чжуан Лин опустился на соседний табурет. Опершись ладонями о сиденье, он слегка подался вперёд, заглядывая Хань Хэну в глаза.

— Да нет же, — выдавил тот фальшивый смешок. — Просто мы столько дней провели в пути, ты наверняка без сил...

— Хань Хэн.

Хань Хэн замер.

Чжуан Лин осторожно обхватил пальцами его подбородок, заставляя повернуться к себе. Под этим пристальным, изучающим взглядом Хань Хэну стало нестерпимо стыдно за своё уродство. Он опустил взгляд, отчаянно пытаясь отвернуться. Никогда прежде он не испытывал такого жгучего стыда перед чужими глазами. Его собственное отражение в зеркале вызывало у него тошноту, но почему-то именно под взглядом Чжуан Линя эта рана болела сильнее всего. Ему не хотелось, чтобы этот юноша видел его таким.

— Я буду приходить каждый день, — негромко, но упрямо произнёс Чжуан Лин. — До тех пор, пока ты меня не вспомнишь.

— А если... если я так ничего и не вспомню? — упавшим голосом спросил Хань Хэн.

— Тогда мы напишем твою историю заново. Я буду рядом каждый день, и в твоей новой жизни не останется места для боли, страха и обид. Хань Хэн, ты дома. Тебе больше некого бояться. Я позабочусь о тебе, слышишь?

В глазах Чжуан Линя на мгновение вспыхнул странный, лихорадочный блеск. Прежде чем Хань Хэн успел сообразить, что происходит, юноша подался вперёд и мимолётно, едва ощутимо коснулся губами его лба.

Хань Хэн опешил и вытаращил глаза. Прикосновение чужих губ оказалось прохладным, как родниковая вода. Чжуан Лин же повёл себя так, словно ничего из ряда вон выходящего не случилось: преспокойно продолжил объяснять, в какой день прийдёт лекаря, и строго-настрого наказал не выходить на улицу без сопровождения.

Когда за гостем закрылась дверь, Хань Хэн ещё долго сидел в оцепенении, прокручивая в голове его слова. Что всё это значило? На что он намекал? Должно быть, прежний владелец этого тела натерпелся горя. Сбежал из дома в пятнадцать лет, скитался невесть где, а когда его наконец отыскали — лицо превратилось в сплошное месиво из шрамов.

Стоило Хань Хэну вспомнить этот затаённый, тяжёлый взгляд Чжуан Линя, как сердце испуганно сжималось. В этих глазах крылась какая-то вековая, неподъёмная глубина, которую он, обычный парень из другого мира, просто не мог вынести. К тому же Хань Хэн прекрасно понимал: никаких воспоминаний из детства у него не появится. Его единственным прошлым был Пэй Цзя, неприкаянный мелкий актёришка. Зато теперь, когда растерянность первых дней окончательно улетучилась, он твёрдо стоял на ногах. Всё это осталось позади, а впереди его ждала жизнь Хань Хэна — с молодой любящей матушкой и огромным поместьем, которое отныне станет его пристанищем.

«Дом... Пэй Цзя и подумать не мог, что его первое собственное жилье окажется не уютной квартиркой с красавицей-женой, а древней китайской усадьбой. В прежней жизни я считал себя слишком молодым для брака — планировал вкалывать ещё лет десять, прежде чем пустить корни. А тут я внезапно помолодел и обзавелся целым родовым гнездом»

«Но смогу ли я по-настоящему назвать это место домом?»

Хань Хэн задумчиво устался на лиловый шёлковый полог над кроватью, а затем со вздохом зарылся лицом в мягкое, пахнущее благовониями одеяло. Будь что будет. Раз уж судьба забросила его сюда, придётся обживаться.

В ту ночь он уснул непривычно рано и проснулся с первыми лучами солнца. Стоило ему приподняться на локтях, как за расписной ширмой тут же послышался шорох — слуги, дежурившие в соседней камере, бросились исполнять свои обязанности.

Ему не пришлось делать ровным счётом ничего. Двое подносили одежды, бережно расправляя рукава и помогая продеть руки, третьи подавали тёплую воду для умывания и настой для полоскания рта.

«А в этой средневековой жизни есть свои неоспоримые прелести. Жаль только лица. С такой статной фигурой и благородной осанкой даже с самой заурядной внешностью я выглядел бы весьма недурно. А теперь...»

Когда он вышел к завтраку, Сюэ Юнь уже взяла себя в руки. Лицо её разгладилось, а в глазах больше не стояли слёзы, отчего у Хань Хэна заметно отлегло от сердца.

— Матушка... — нерешительно позвал он.

— Да, мой хороший, — в голосе женщины прозвучало удивление, смешанное с робкой радостью.

Она бережно взяла его за ладонь, усадила напротив себя и принялась нежно убирать с его лба непослушные пряди волос.

— Дай-ка я посмотрю на тебя хорошенько.

Они сидели совсем рядом. От Сюэ Юнь пахло тонким, едва уловимым ароматом жасминовой пудры — чистым и ненавязчивым.

Взгляд её скользил по его изуродованным щекам. Она судорожно сжала пальцы, выдавая внутреннее волнение, а голос задрожал от подступающих слёз:

— Сколько же тебе пришлось перенести за эти годы... Настрадался, бедненький мой?

Хань Хэн по-прежнему чувствовал себя не в своей тарелке. Обделённый родительским теплом в прошлой жизни, он совершенно не представлял, как нужно вести себя с матерью.

Но при виде этой хрупкой овдовевшей женщины, которая много лет провела в томительном ожидании, а теперь получила искалеченного сына, чьё тело к тому же заняла чужая душа, его сердце дрогнуло.

— Нет, матушка, мне совсем не было трудно, — мягко ответил он. — А если и случались невзгоды, я их всё равно позабыл.

Он присмотрелся к ней внимательнее. Поскольку Хань Хэн пришёл рано, Сюэ Юнь ещё не успела навести утренний туалет. Тёмные волосы небрежной волной спадали на плечи, на ней было простое белое платье, а бледное лицо без привычных румян и пудры казалось осунувшимся и усталым.

— Как это — не трудно? — Сюэ Юнь с неизбывной тоской вглядывалась в его раны. — Посмотри, что стало с твоим лицом... — Она скорбно нахмурилась, и её губы задрожали. — Ты

ведь рос писанным красавцем. Как представлю, через какой ад тебе пришлось пройти в полном одиночестве, у меня душа разрывается.

Она шумно перевела дыхание, так и не решившись коснуться обезображенной кожи. Её ладонь мягко опустилась на его макушку.

— Больше я тебя никуда не отпущу, — тихо, но с железной решимостью произнесла она. — Если вздумаешь снова сбежать, то только через мой труп.

У Хань Хэна щемило грудь.

— Не уеду, матушка. Больше никуда не уеду. Останусь дома, с тобой.

Его захлестнуло странное, пронзительное чувство — одновременно далёкое и такое близкое. Наверное, все матери мира любят одинаково. А каково приходилось этой несчастной вдове в мире, где женщины не смели ступить шагу за ворота без спроса? Все эти годы она была заперта в четырёх стенах, сходя с ума от тревоги за сына. Хань Хэн дал себе зарок больше никогда не огорчать её.

Судорожно вспоминая, как играл любящих сыновей на съёмочной площадке, он поначалу немного переигрывал, пытаясь угодить Сюэ Юнь. Но та оказалась на редкость чуткой и деликатной. Она не донимала его расспросами, а лишь мягко интересовалась его скитаниями, на что Хань Хэн послушно твердил, что ничего не помнит.

В конце концов Сюэ Юнь попросила его раздеться, чтобы лично осмотреть его раны и шрамы.

Заливаясь пунцовой краской, Хань Хэн медленно стянул с себя верхнее платье. В конце концов, перед ним стояла мать этого тела, имевшая полное право знать, что случилось с её плотью и кровью.

Пальцы Сюэ Юнь скользнули по его спине, бережно оглаживая резко выступающие позвонки. Она долго молчала, прежде чем тихо вздохнуть за его спиной:

— Как же ты исхудал... Одни кости остались. Ничего, теперь-то я тебя откормлю.

Она сама набросила на его плечи халат и ловко завязала пояс. Её тонкие пальцы были удивительно нежными и тёплыми.

— Матушка, не нужно так хлопотать, — улыбнулся он. — Теперь у нас впереди уйма времени. Я ведь уже вернулся, к чему тревоги?

Сюэ Юнь негромко рассмеялась и шутливо щёлкнула его по лбу:

— Да как же не тревожиться? Вдруг ты опять сбежишь с каким-нибудь бродячим театром и разобьёшь нам сердца? Ты ведь с самого детства рос несносным упрямым. Любить тебя — одно наказание.

— И кто же это обо мне так сокрушался? — шутливо спросил Хань Хэн.

Сюэ Юнь вдруг замерла. Её улыбка угасла, взгляд на миг стал растерянным. Справившись с секундным замешательством, она сморгнула набежавшую слезу, шумно выдохнула и ответила:

— Как это кто? Материнское сердце всегда болит о сыне.

В её глазах промелькнуло нечто странное. Было очевидно, что она умалчивает о чём-то важном.

Решив пока не берeditь старые раны, Хань Хэн увёл разговор в сторону:

— Матушка, раз уж я ничего не помню, расскажи мне о прежней жизни. С кем я дружил? Чем любил заниматься? И вообще... мне ведь уже девятнадцать. Когда мне положено обзавестись женой?

«Разве в эти стародавние времена не женятся гораздо раньше?»

Хань Хэн забросил удочку осторожно, хотя тут же мысленно обругал себя за глупость. Прежний Хань Хэн сбежал из дома в пятнадцать лет — вряд ли он успел связать себя узами брака в столь нежном возрасте.

— Ишь ты, о невесте развоображался! Не успел порог переступить, а родная мать уже наскучила? — наигранно надулась Сюэ Юнь, но тут же ласково ущипнула его за кончик носа.
— Впрочем, ты прав. Самое время подыскать тебе хорошую партию, чтобы продолжить наш род.

На её лицо вновь набежала лёгкая тень заботы. Она мягко похлопала его по ладони:

— Ну полно, что мы всё сиднем сидим. Угощайся пока сладостями, а мне пора привести себя в порядок. Как только закончу с причёской, мы обсудим всё чин по чину.